

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА
И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСНИК

**к IV Конгрессу
Всемирной конференции по конституционному правосудию**

11–14 сентября 2017 года, Вильнюс, Литва

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. Верховенство права и конституционное правосудие в современном мире

I. Различные концепции верховенства права

1. Какими источниками права в вашей стране закрепляется принцип верховенства права (например, Конституция, прецедентная практика и т.д.)?

Верховенство права как один из основополагающих принципов конституционного строя Российской Федерации, характеризующих Россию как правовое государство, получило непосредственное закрепление в положениях Конституции России, в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации, положениях национального законодательства, кроме того, верховенство права как принцип национальной правовой системы вытекает из международных договоров Российской Федерации и общепризнанных принципов и норм международного права, являющихся частью российской правовой системы.

Вместе с тем, исходя из принципа верховенства Конституции Российской Федерации, содержание принципа верховенства права, в первую очередь, основывается на Конституции, в частности в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации.

В период 1995–2016 гг. Конституционный Суд Российской Федерации принял в общей сложности 466 постановлений, в 54 из которых прямо названа конструкция «верховенство права»; данная конструкция встречается также и в 63 определениях Суда об отказе в принятии поступающих обращений к рассмотрению, содержащих развернутое толкование отраслевого законодательства (первое постановление, содержащее отсылку к данному принципу, – это *Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П*).

2. Как толкуется принцип верховенства права в вашей стране? Существуют ли различные концепции понимания верховенства права: формальная, субстантивная или другие?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации показывает широкое и объемное понимание принципа верховенства права. Причиной тому является его восприятие не как отдельного, узкого правового принципа (например, как верховенства Конституции или верховенства закона), а как объемной правовой категории, разные аспекты которой закреплены разными положениями действующей Конституцией Российской Федерации. Также практика Конституционного Суда Российской Федерации отражает органичную взаимосвязь составляющих элементов принципа верховенства права – как правило, в тех ситуациях, где Суд выявляет несоответствие отраслевого законоположения какому-либо одному элементу, он в дальнейшем обнаруживает и нарушения других элементов.

Конституция Российской Федерации, в отличие от конституций ряда зарубежных государств, эксплицитно не закрепляет принцип верховенства права. В российском конституционном правосудии данный принцип существует как результат толкования собственно текста Конституции и ряда международно-правовых актов, которые являются частью правовой системы и ориентиром в признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что принцип верховенства права, на котором основана правовая система в Российской Федерации, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 18, 19 и 118 (часть 1) Конституции является неотъемлемым элементом правового государства (*Постановление от 21 января 2010 года № 1-П*).

Значение и содержание принципа верховенства права в его российском истолковании невозможно выявить без исследования особенностей его реализации в рамках российской правовой системы, в частности, сквозь призму содержательных различий в подходах к обеспечению этого принципа

в российском и западноевропейском понимании. В первую очередь, речь идет о повышенном внимании в западноевропейской концепции верховенства права к процессуальным (процедурным) вопросам его практической имплементации, в то время как российская правовая наука делает акцент на правовом содержании и эйдетическом смысле самого принципа.

Конечно, нельзя отрицать, что точное соблюдение выверенной единообразной процедуры в конкретных ситуациях правоприменения может обеспечить соблюдение формальной законности¹. Из этого исходит, к примеру, Европейский Суд по правам человека, во многих решениях по сути презюмировавший факт нарушения Россией прав заявителей именно в силу того, что не было представлено надлежащее документальное оформление всех имевших место процедур.

В то же время нельзя отрицать и то обстоятельство, что формальное соблюдение процедуры без ее реального сущностного наполнения подчас приводит к обесцениванию самой идеи обеспечения реализации и/или защиты прав человека.

Имея в виду это обстоятельство, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что при разрешении соответствующего спора суд не должен ограничиваться формальным установлением фактов, поскольку это умаляло бы закрепленное статьей 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации право на судебную защиту и противоречило бы требованию реального обеспечения прав и свобод граждан правосудием (*постановления от 6 июня 1995 года № 7-П и от 3 ноября 1998*

¹ В *Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П* Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, в частности, что в силу конституционных принципов *правового государства и неприкосновенности частной собственности* (статья 1, часть 1; статья 35, часть 3; статья 55, части 2 и 3 Конституции Российской Федерации) решения о консолидации акций должны приниматься в *надлежащей юридической процедуре*, предполагающей поэтапную деятельность, осуществляемую в разумные сроки в целях защиты прав мелких акционеров как слабой стороны в корпоративных отношениях, при эффективном судебном контроле.

года № 25-П; определения от 8 февраля 2011 года № 130-О-О, от 7 июня 2011 года № 767-О-О, от 2 июля 2015 года № 1544-О и др.); при этом суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, притом что никакие доказательства не имеют для него заранее установленной силы (части первая и вторая статьи 67 ГПК Российской Федерации).

Например, применительно к правам лица, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен физический или материальный вред, но которое не имеет формального уголовно-процессуального статуса потерпевшего, Конституционный Суд Российской Федерации в *Постановлении от 25 июня 2013 года № 14-П*, опираясь на ранее высказанные правовые позиции (в *Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П*, *определениях от 27 июня 2004 года № 119-П*, *от 17 ноября 2011 года № 1555-О* и др.), указывал, в частности, что такое лицо также не может быть лишено права на судебную защиту и на доступ к правосудию без неоправданной задержки, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено *не формальным признанием лица* тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, *а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица* как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав.

Со своей стороны, Конституционный Суд Российской Федерации, как представляется, отдает приоритет в большей степени сущностному аспекту обеспечения верховенства права через конституционность конкретных юридических конструкций, оформляющих те или иные правоотношения, – и тем самым обеспечению конструктивного совершенства различных отраслей права в целях достижения справедливого баланса и в частноправовых, и в

публично-правовых отношениях при реализации конституционных прав и свобод граждан².

3. Существуют ли специфические области права, в которых ваш суд обеспечивает уважение к верховенству права (например, уголовное право, избирательное право и т.д.)?

Конституционный Суд Российской Федерации посредством отправления конституционного правосудия обеспечивает соблюдение (имплементацию) принципа верховенства права, являющегося одним из основополагающих принципов российского конституционного строя, во всех без исключения отраслях (областях) права как принципа, носящего общеправовой характер.

Вместе с тем необходимо отметить, что сфера уголовной юстиции (уголовного права и уголовного процесса) для российского конституционного судопроизводства традиционно является сферой, на которую в первую очередь и безоговорочно распространяется действие принципа верховенства права, поскольку это именно та отрасль права, в

² Так, в *Постановлении от 20 декабря 2010 года № 22-П* Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что регулирование, гарантирующее экономическую самостоятельность широкому кругу лиц, содействует успешной реализации принципов социального государства и социально ориентированной рыночной экономики на основе баланса прав и законных интересов местного самоуправления и лиц, занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, и, в конечном счете, способствует упрочению гражданского общества, *верховенства права* и демократии. В *Постановлении от 27 июня 2012 года № 15-П* Конституционный Суд Российской Федерации, отметив, что признание гражданина недееспособным – исходя из верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации, приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (статья 15, части 1 и 4, Конституции Российской Федерации) – должно иметь место лишь в тех случаях, когда иные меры защиты его прав и законных интересов оказываются недостаточными, указал федеральному законодателю на необходимость в срок до 1 января 2013 года внести изменения в действующий механизм защиты прав граждан, страдающих психическими расстройствами, в том числе в части оказания им необходимой поддержки в реализации гражданских прав и обязанностей, которые позволяли бы суду учитывать степень нарушения способности таких граждан понимать значение своих действий или руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности и в максимальной степени гарантировали бы защиту их прав и законных интересов.

которой какие-либо нарушения прав человека, в том числе через отступление от названного принципа, в наибольшей степени могут иметь неблагоприятные последствия, а непосредственный вред от этих нарушений для человека, его прав и свобод, признаваемых в соответствии с российской Конституцией высшей ценностью, как представляется, является наиболее тяжким.

Так, прямо отсылают к принципу верховенства права 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного права (*от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П*) и 10 постановлений по вопросам уголовного судопроизводства (*от 16 июля 2008 года № 9-П, от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 19 июля 2011 года № 18-П, от 17 октября 2011 года № 22-П, от 18 октября 2011 года № 23-П, от 2 июля 2013 года № 16-П, от 19 ноября 2013 года № 24-П, от 10 декабря 2014 года № 31-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П*).

Вместе с тем имеется большой массив решений Конституционного Суда Российской Федерации (большинство из которых относятся к вопросам уголовной юстиции), которые прямо не содержат отсылок к принципу верховенства права, однако опираются на составляющие его концепцию элементы, а именно:

1) на принцип правовой определенности (*постановления от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 21 декабря 2011 года № 30-П, от 25 марта 2014 года № 8-П, от 16 июля 2015 года № 22-П*);

2) на принцип запрета произвольных действий публичной власти (*Постановление от 20 июля 2012 года № 20-П*);

3) на право на доступ к правосудию (*постановления от 16 октября 2012 года № 22-П, от 20 июля 2012 года № 20-П, от 25 марта 2014 года № 8-П*);

4) на принцип равенства всех перед законом и судом и запрет дискриминации (*постановления от 11 декабря 2014 года № 32-П и от 25 февраля 2016 года № 6-П*).

В целом необходимо подчеркнуть, что принцип верховенства права имплицитно лежит в основе всех без исключения решений Конституционного Суда Российской Федерации вне зависимости от отраслевой принадлежности рассматриваемых в них вопросов.

4. Существует ли прецедентная практика относительно содержания принципа верховенства права? Какие существенные элементы данного принципа выделяются в прецедентной практике? Пожалуйста, приведите относящиеся к делу примеры из судебной практики.

Содержание принципа верховенства права раскрывается – в силу инцидентного характера осуществляемого Судом нормоконтроля – как в общей форме, так и применительно к разным как по содержанию, так и по отраслевой принадлежности правовым институтам в отдельности. В своем *Постановлении от 31 июля 1995 года № 10-П* Конституционный Суд отметил, что в соответствии с принципом верховенства права органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом.

Важнейшими конституционными составляющими принципов верховенства права и правового государства, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, являются равенство и справедливость, требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности с системой действующего правового регулирования (*постановления от 6 апреля 2004 года № 7-П, от 31 мая 2005 года № 6-П, от 18 июля 2008 года № 10-П*), приоритет и непосредственное действие российской Конституции, разделение властей, запрет произвола, требования справедливости и соразмерности, а также связанность Конституцией и

законом органов государственной власти, включая суды, ответственность государства за действия его органов и должностных лиц.

Принцип верховенства права предполагает ответственность государства перед гражданами, в частности, право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органа государственной власти или должностного лица, и корреспондирующее ему публично-правовое обязательство Российской Федерации как правового государства перед пострадавшими от действий уполномоченных им органов и должностных лиц (*постановления от 2 марта 2010 года № 5-П, от 19 июля 2011 года № 18-П*). Особой конституционной обязанностью Российской Федерации как правового государства служит также признание и обеспечение права на возмещение вреда здоровью (*Постановление от 19 июня 2002 года № 11-П*).

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации в сфере уголовной юстиции показывает, что в этой сфере наиболее часто Суд обращается к таким аспектам принципа верховенства права, как формальная определенность уголовного закона, правовая определенность, законность, недопустимость произвольного применения уголовного закона, судебная защита, доступ к правосудию, независимость и беспристрастность правосудия, а также ответственность государства за действия его органов и должностных лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно подчеркивает важность формальной определенности уголовного закона и правовой определенности как составляющих частей принципа верховенства права. Так, Конституционный Суд отмечает, что принцип формальной определенности закона предполагает точность и ясность законодательных предписаний, и, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает и в законотворческой деятельности, и в правоприменительной практике необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания (*постановления от 27*

мая 2008 года № 8-П и от 13 июля 2010 года № 15-П), от несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод при применении к лицу, нарушившему какие-либо правила, мер уголовной ответственности (Постановление от 17 июня 2014 года № 18-П).

Принцип формальной определенности уголовного закона неоднократно выступал в практике российского конституционного правосудия методологической основой разрешения ряда дел и в конечном счете – для восстановления конституционных прав и свобод граждан в сфере уголовной юстиции, нарушение которых проистекало из неясности содержания уголовного закона и несогласованности регулятивных и охранительных норм. Так, *Постановлением от 27 мая 2008 года № 8-П* Конституционный Суд признал не соответствующим российской Конституции действовавшее на тот момент³ положение части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в той мере, в какой оно позволяло признавать крупным размером контрабанды (т.е. превышающем в эквиваленте 250 000 рублей) всю перемещаемую лицом сумму, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Российскую Федерацию без письменного декларирования. Российское валютное регулирование делает различие между суммами, которые перемещаются через государственную границу и при этом подлежат провозу без декларирования, и суммами, провозимыми в нарушение установленных норм, что влечет административную и уголовную ответственность. Складывавшаяся судебная практика шла по пути включения в размер контрабанды всего размера незаконно перевозимой суммы, т.е. без учета разрешенных к провозу сумм и сумм, за незаконное перемещение которых установлена административная ответственность. Данное Постановление внесло определенность в этот вопрос, и из размера уголовно-наказуемой контрабанды стали вычитаться суммы, разрешенные к

³ Впоследствии Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ статья 188 Уголовного кодекса Российской Федерации была признана утратившей силу.

перемещению, и суммы, за перемещение которых наступала только административная ответственность.

Другим аспектом содержания принципа верховенства права, находящим отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации, является требование законности как режима соблюдения предписаний законодательных актов и вытекающий из данного требования запрет произвольного применения закона. Конституционный Суд Российской Федерации предпринял много усилий по укреплению начала законности в осуществлении уголовного судопроизводства, подчеркивая важность соблюдения правовых норм как гарантии стабильности правового порядка в Российской Федерации.

На важность соблюдения режима законности в ходе осуществления уголовного судопроизводства Конституционным Судом обращено внимание в *Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П*, касающемся оснований возвращения уголовного дела прокурору. Российское уголовное судопроизводство сочетает в себе следственные (розыскные) начала на досудебном производстве и состязательные – в ходе судебного разбирательства в судах первой и вышестоящих инстанций. В силу такой конструкции процесса его предмет – обвинение в своих фактических и юридических характеристиках – формируется на стадии досудебного производства уполномоченными на то должностными лицами – следователем, предъявляющим обвинение, и прокурором, утверждающим обвинительное заключение. Одним из институтов, вызывавшим наибольшие проблемы в переходе уголовного процесса от розыскного типа к состязательному, является возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий в рассмотрении дела судом. В прежнем законодательстве такое возвращение именовалось возвращением на дополнительное расследование и представляло собой предоставляемую стороне обвинения дополнительную попытку в доказывании вины подсудимого тогда, когда это не удавалось сделать при первоначальном

рассмотрении дела. Новый УПК Российской Федерации упразднил данный институт, однако предполагал возвращение уголовного дела прокурору по формальным основаниям (например, составление обвинительного заключения с грубыми формальными ошибками), что позволяло ряду ученых и политиков утверждать о возвращении в уголовный процесс института дополнительного расследования.

Конституционный Суд постановил, что в случае, если в судебном разбирательстве будут обнаружены доказательства совершения подсудимым более тяжкого преступления, нежели то, которое инкриминировано ему органами уголовного преследования, суд должен вернуть уголовное дело прокурору для уточнения фактических обстоятельств дела и составления нового обвинительного заключения, поскольку неправильное применение положений Уголовного кодекса Российской Федерации, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права.

Конституционный принцип равенства как элемент принципа верховенства права рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации как конституционный критерий оценки законодательного регулирования любых прав и свобод, причем применимость данного принципа ко всем основным правам и свободам не исключает возможность его различного проявления: в отношении личных прав он означает преимущественно формальное равенство, в отношении же экономических и социальных прав формальное равенство может обернуться материальным неравенством.

Поскольку конституционный принцип равенства, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к

разным категориям, равенство перед законом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем (*определения от 15 апреля 2008 года № 263-О-О, от 24 сентября 2012 года № 1549-О и др.*).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что при осуществлении правового регулирования права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом федеральному законодателю надлежит руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права и юридического равенства, в силу которых вмешательство государства в эти отношения не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно-защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (*постановления от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 4 июня 2015 года № 13-П, от 12 апреля 2016 года № 10-П и др.*).

Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике также актуализирует другую сторону принципа верховенства права, связанную с законностью, – запрет произвольных действий публичной власти, в т.ч. произвольного вмешательства в конкретные общественные отношения, в которых реализуются конституционные права и свободы граждан, на основе которого обеспечивается баланс частных и публичных интересов участников данных отношений. Так, в *Постановлении от 16 июля 2008 года № 9-П* Конституционный Суд отмечает, что в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и

преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно-защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

В понимании российского Конституционного Суда в содержание принципа верховенства права также входит и неприкосновенность собственности. Так, Конституционный Суд, апеллируя к конституционным положениям о праве собственности и свободе занятия предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью (статьи 34, часть 1, и 35), отмечает, что в них выражен по сути один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в цивилизованных государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, таких как владение, пользование и распоряжение своим имуществом (*постановления от 16 июля 2008 года № 9-П и от 31 января 2011 года № 1-П*).

Кроме того, в *Постановлении от 27 июня 2013 года № 15-П* Конституционный Суд указывал, что «на федеральном законодателе, связанном в своей правотворческой деятельности производными от принципа правовой государственности требованиями верховенства права, правовой определенности и поддержания взаимного доверия во взаимоотношениях личности и публичной власти, лежит обязанность не допускать возникновения ситуаций, при которых результаты состоявшихся выборов на должность главы муниципального образования ставились бы под сомнение и могли бы быть пересмотрены путем признания выборов недействительными по одному только формальному основанию – вынесению судом решения о незаконности удаления в отставку ранее избранного главы муниципального образования».

5. *Изменилась ли с течением времени концепция верховенства права в вашей стране? Если так, то, пожалуйста, опишите эти изменения, ссылаясь на примеры.*

Понимание содержания принципа верховенства права в практике Конституционного Суда развивалось и наращивалось в русле общих тенденций понимания этого принципа другими европейскими конституционными юрисдикциями и международными организациями. На протяжении 2005–2010 гг. Конституционным Судом Российской Федерации были показаны связи элементов верховенства права с положениями Российской Конституции, происходило наращивание смысла данных элементов при проверке норм отраслевого законодательства, становившихся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В результате такого интерпретационного процесса положения о верховенстве права, сформулированные в международных правовых актах весьма лаконично, получили более развернутое толкование, содержащее конкретные ориентиры как для законодателя, так и для правоприменительной практики.

6. Имеет ли международное право влияние на толкование принципа верховенства права в вашей стране?

Конституционный Суд Российской Федерации всегда подчеркивает связь между нормами, закрепленными в Российской Конституции, и международно-правовыми актами, подчеркивая, что и те и другие закрепляют разные аспекты верховенства права. Учет международно-правовых норм для российского Конституционного Суда является не доброй традицией сверки часов или просто правилом хорошего тона, это является укрепившимся в практике подходом и методологическим приемом, направленными на исполнение Российской Федерации своих международных обязательств.

Такой учет Конституционным Судом происходит путем сопоставления российского конституционного регулирования и регулирования, содержащегося в актах ООН, Совета Европы и иных организаций, членом которых является Российская Федерация, таких как различного рода международные договоры, международные стандарты, резолюции,

рекомендации постоянно действующих международных органов, решения судебных и квазисудебных органов. Наиболее часто Конституционный Суд Российской Федерации обращается к Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах и основанной на нем практике Комитета ООН по правам человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практике Европейского Суда по правам человека; реже – к рекомендациям Комитета министров Совета Европы; точно – к тематическим международным стандартам (например, Токийские, Пекинские правила или Эр-Риядские руководящие принципы).

В частности, применительно к разным вопросам, затрагиваемым в рассматриваемых им делах, Конституционный Суд обращает внимание не только на глобальные (концептуальные) положения практики Европейского Суда по правам человека, но и на частные положения. Так, в *Определении от 19 июля 2016 года № 1616-О* Конституционным Судом были показаны частные вопросы доктрины объективной и субъективной беспристрастности суда, выработанной Европейским Судом по правам человека. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, выделяя субъективные и объективные аспекты беспристрастности суда и исходя из необходимости дифференцированного подхода к определению допустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела, Европейский Суд по правам человека к числу обстоятельств, достаточных для объективно обоснованного сомнения в беспристрастности судьи, относит рассмотрение судьей вопросов, относительно которых им ранее уже выносились соответствующие решения.

Между тем в практике Конституционного Суда Российской Федерации могут быть обнаружены случаи не только совпадения общих и частных подходов в регулировании каких-либо отношений, но и случаи, когда российская конституционная юстиция идет дальше международно-правового

регулируемого, предоставляя российским гражданам больше прав в сравнении с международными актами.

Так, в *Постановлении от 25 июня 2013 года № 14-П* Конституционный Суд встал на защиту права потерпевшего по уголовному делу на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в случае, если по данному уголовному делу, которое было прекращено решением уполномоченного органа или должностного лица, не были установлены подозреваемые или обвиняемые лица. Рассматривая данное дело, Конституционный Суд установил, что применительно к праву потерпевшего от преступления на доступ к правосудию в разумный срок Конституция Российской Федерации и основанное на ее положениях федеральное законодательство предоставляют больший уровень правовых гарантий, чем Конвенция о защите прав человека и основных свобод в ее интерпретации Европейским Судом по правам человека. Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и связанные с ним положения гражданского процессуального законодательства предоставляют право обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок другим помимо указанного в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод лица, которому предъявлено обвинение (в контексте толкования данной статьи Европейским Судом по правам человека – лица, привлекаемого к уголовной ответственности), субъектам уголовного судопроизводства, включая потерпевшего, что расширяет для Российской Федерации сферу действия статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод применительно к защите признаваемого ее статьей 6 права на справедливое судебное разбирательство в разумный срок.

II. Новые вызовы верховенству права

7. Существуют ли крупные угрозы верховенству права на национальном уровне или существовали ли такие угрозы в вашей стране (например, экономический кризис)?

Конституционный Суд Российской Федерации в *Определении от 17 июля 2014 года № 1567-О* дал оценку регулированию, касающемуся образования в Российской Федерации Верховного Суда Российской Федерации, объединяющего функции действовавших Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Конституционный Суд констатировал, что упразднение в ходе судебной реформы двух высших судов и создание нового Верховного Суда Российской Федерации – уникальный случай, требующий принятия специальных мер, которые должны быть направлены на обеспечение гарантий независимости и несменяемости судей, замещающих должности в прекращающих свою деятельность высших судах, путем предоставления им возможности продолжить профессиональную деятельность во вновь образуемом судебном органе или в других судах судебной системы Российской Федерации, а в случае невозможности такого перевода – путем предоставления гарантий материального обеспечения, вытекающих из статуса судьи в отставке.

Толкование положений Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в указанном Определении Конституционного Суда Российской Федерации обеспечило стабильную и почти бесконфликтную реализацию задач, которые ставил законодатель в положениях рассматриваемого закона о поправках к Конституции Российской Федерации, имеющих переходный характер, что позволило предотвратить возможный связанный с этой реформой кризис.

8. Оказывали ли международные события и изменения влияние на толкование принципа верховенства права в вашей стране (например, миграция, терроризм)?

Толкование принципа верховенства права в практике Конституционного Суда опирается на методологию конституционной интерпретации с учетом практики международных и наднациональных юрисдикционных органов.

9. Приходилось ли вашему суду сталкиваться с коллизией между национальными и международными нормами? Существуют ли случаи различного толкования некоторых прав и свобод вашим судом в сравнении международными судами (например, Африканским, Межамериканским или Европейскими судами) или международными органами (особенно, Комитетом ООН по правам человека)? Существуют ли связанные с этим сложности в имплементации решений таких судов (органов)? В чём существо таких различий? Пожалуйста, приведите примеры.

Со времени вхождения Российской Федерации в европейскую конвенционную систему и до принятия постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Маркин против России» каких-либо заметных проблем, связанных с конфликтом правопонимания, между Конституционным Судом Российской Федерации и ЕСПЧ не возникало. С принятием названного постановления ЕСПЧ возникла потребность создания механизма защиты конституционного правопорядка России при сохранении ее присутствия в конвенционной системе, способствующей защите прав человека национальными властями.

Первый значительный шаг в этом направлении был сделан Конституционным Судом Российской Федерации в *Постановлении от 6 декабря 2013 года № 27-П*, в котором Суд обратился к проблеме установления компетенционных границ своей деятельности в контексте

взаимодействия российских судов и ЕСПЧ. При этом решая данный вопрос, Конституционный Суд Российской Федерации обратился к конституционным и конвенционным обязательствам российского государства и опирался на свои ранее выработанные правовые позиции о верховенстве Конституции Российской Федерации и разграничении компетенции между Конституционным Судом Российской Федерации и иными судами.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, безусловно, подлежит исполнению. В то же время одной из процессуальных гарантий обеспечения исполнения Российской Федерацией постановления Европейского Суда по правам человека служит пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации, согласно которому вступившее в законную силу судебное постановление может быть пересмотрено по заявлению заинтересованного лица ввиду возникновения нового обстоятельства, коим в данном случае признается окончательное постановление Европейского Суда по правам человека.

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации в *Постановлении от 26 февраля 2010 года № 4-П* указал, что лицо, в отношении которого Европейским Судом по правам человека было установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, должно иметь возможность обратиться в компетентный суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре судебного акта, послужившего поводом для направления жалобы в Европейский Суд по правам человека, и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено. В свою очередь, решение компетентного суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта – учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя – должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела.

Данной позицией Конституционного Суда Российской Федерации были predeterminedлены изменения, внесенные Федеральным законом от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ в ГПК Российской Федерации, которыми было предусмотрено новое основание пересмотра вступивших в законную силу постановлений суда в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения положений о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека.

Далее, в *Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П* Конституционного Суда Российской Федерации было указано, что любые решения ЕСПЧ в адрес России должны рассматриваться как составная часть российской правовой системы, однако при этом участие России в международных договорах не должно, во-первых, приводить к нарушению прав человека и, во-вторых, не должно создавать угрозу основам конституционного строя. Правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе. Это означает, что ни сама Европейская Конвенция, ни решения ЕСПЧ, содержащие оценки национального законодательства, либо касающиеся необходимости изменения его положений, не должны отменять приоритет Конституции Российской Федерации и могут быть реализованы только при соблюдении этого условия.

Конституционный Суд Российской Федерации предусмотрел в указанном постановлении ряд мер, позволяющих обеспечить механизм реализации указанных выводов, некоторые из которых получили закрепление и развитие в Федеральном конституционном законе от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» в части введения института рассмотрения дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Практическая реализация

названного института нашла свое отражение в *Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П* по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «*Анчугов и Гладков против России*» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

III. Право и государство

10. Каково влияние судебной практики вашего суда на гарантирование того, что государственные власти действуют в пределах установленных конституцией ограничений их власти?

Конституционный Суд Российской Федерации в большинстве своих решений подчеркивает, что органы государственной власти в реализации своих полномочий связаны предписаниями законов, регламентирующими их деятельность.

Например, весьма распространенными являются обращения граждан, которые оспаривают конституционность статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает три основания для оглашения показаний не явившихся в судебное заседание потерпевших и свидетелей. Большое количество поступающих обращений объясняется тем, что практика судов общей юрисдикции, складывающаяся в делах заявителей, показывает, что суды первой инстанции принимают решение об оглашении показаний не явившихся в суд свидетелей по причинам, не указанным в законе (например, соответствующие правоохранительные органы не могли установить место нахождения конкретного свидетеля), а суды вышестоящих инстанций не признают такие действия процессуальными нарушениями. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (*определения от 14 октября 2004 года № 326-О, от 7 декабря 2006 года № 548-О, от 20 марта 2008 года №*

188-О-О, от 16 апреля 2009 года № 440-О-О, от 29 сентября 2016 года № 1792-О) неоднократно подчеркивал, что оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, рассматривается как исключение и допускается лишь в случаях, предусмотренных законом, который не предусматривает возможности расширительного толкования перечня случаев, когда допускается оглашение в суде показаний, ранее данных потерпевшими и свидетелями, отсутствующими в судебном заседании.

На важность соблюдения режима законности в ходе непосредственного осуществления уголовного судопроизводства Конституционным Судом обращено внимание в *Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П*.

В *Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П* Конституционный Суд дал оценку конституционности законоположений, регулирующих порядок реализации свободы собраний, существенно смягчив строгость оспоренных норм.

Особое значение в последние годы приобрели решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых подверглась конституционной оценке реформа взаимоотношений между государством и некоммерческими организациями. Правовые позиции Суда, позволили уточнить регулирование, затрагивающее права некоммерческих организаций.

Так, в *Постановлении от 8 апреля 2014 года № 10-П*, в котором был затронут статус так называемых иностранных агентов, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что получение российскими некоммерческими организациями, принимающими участие в политической деятельности, иностранного финансирования не может ставить под сомнение лояльность таких организаций по отношению к своему государству. Соответственно, законодательная конструкция иностранного агента не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства и не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности.

11. Имеют ли такие решения вашего суда обязательный эффект для иных судов? Следуют (уважают) ли иные (обычные) суды прецедентную практику вашего суда во всех случаях? Существуют ли конфликты между вашим судом и иными (верховными) судами?

Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации предопределяется Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Так, Конституция определяет, что акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению, из чего вытекает общеобязательный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации и их место в иерархии национальных источников права.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» развивает и конкретизирует эти конституционные положения, устанавливая в качестве общего правила обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений (статья 6), а также окончательность решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые не подлежат обжалованию (часть первая статьи 79).

Особое значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для практики обычных судов имеет часть пятая статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно того, соответствует ли Конституции

Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе в постановлении по делу о проверке по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционности закона, примененного в конкретном деле, или о проверке по запросу суда конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации.

В ряде своих решений Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что суды не вправе не исполнять решения Конституционного Суда Российской Федерации и содержащиеся в них предписания, – иное означало бы неисполнение требований Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (*определения от 14 января 1999 года № 4-О, от 5 февраля 2004 года № 78-О, от 27 мая 2004 года № 211-О, от 1 октября 2007 года № 827-О-П, от 24 января 2008 года № 191-О-П, от 16 апреля 2009 года № 564-О-О, 19 ноября 2015 года № 2697-О, от 28 января 2016 года № 40-О и др.*).

Высшими судами проводится работа по согласованию правовых позиций. Информация о наиболее значимых решениях Конституционного Суда Российской Федерации включается в качестве обязательного раздела в обзоры судебной практики, разрабатываемые и утверждаемые Верховным Судом и рассылаемые в нижестоящие суды. В случае признания неконституционным какого-либо положения закона толкующее его постановление Пленума Верховного Суда, как правило, подвергается корректировке. Так, в связи с *Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П* Пленум Верховного Суда принял Постановление от 10 октября 2001 года № 11; в связи с

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П – Постановление от 28 сентября 2010 года № 23. В связи с необходимостью приведения некоторых постановлений в соответствие с действующим законодательством и правовыми позициями Конституционного Суда Пленум Верховного Суда принял Постановление от 23 декабря 2010 года № 31.

12. Внёс ли ваш суд вклад или развивал ли он стандарты законотворчества и правоприменения (например, развивая концепции независимости, беспристрастности, действия согласно закону, non bis in idem, nulla poena sine lege и т.д.)?

Вытекающие из принципа верховенства права стандарты деятельности законодателей и правоприменителей постоянно находятся в поле зрения Конституционного Суда.

Будучи сформулированными в общем виде, данные принципы могут нередко нарушаться в неявной форме, что может установить подчас только Конституционный Суд. В силу данного обстоятельства у Конституционного Суда Российской Федерации сложилась обширная практика, иллюстрирующая примеры нарушения данных принципов или же конкретизирующая их применительно к разным правовым институтам.

Так, примером конкретизации данных стандартов является развитие Конституционным Судом Российской Федерации требований независимости и беспристрастности суда в уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 63 закрепляет правило о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, согласно которому если судья принимал участие в рассмотрении уголовного дела в одной инстанции (первой, апелляционной, кассационной или надзорной), то он не может принимать участие в последующем рассмотрении дела в случае отмены принятого им решения. Пробелом данной нормы являлось то, что она не предусматривает правил относительно участия судьи

в производстве по делу на других этапах, прежде всего, в досудебном производстве, где количество вопросов, решаемых судом, весьма велико. Ограниченность штата судей и правила территориальной подсудности неизбежно приводят к тому, что разные по природе вопросы уголовного судопроизводства решаются одними и теми же судьями, однако не всегда это допустимо с позиции принципа беспристрастности суда.

Решение этой проблемы Конституционный Суд нашел, сформулировав следующий общий критерий: новому рассмотрению дела тем же самым судьей предыдущее его участие в данном деле не препятствует лишь в случае вынесения им решений по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся предмета предстоящего судебного разбирательства; судья, который ранее высказал в ходе производства по уголовному делу свое мнение по вопросам, вновь ставшим предметом судебного заседания, не должен участвовать в рассмотрении уголовного дела; повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела – поскольку оно было бы связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств дела – является недопустимым во всех случаях, как при новом рассмотрении дела после отмены первоначального решения, так и после выраженного вышестоящей судебной инстанцией согласия с таким решением; в противном случае может быть поставлена под сомнение беспристрастность и объективность судьи (*постановления от 2 июля 1998 года № 20-П и от 23 марта 1999 года № 5-П; определения от 1 ноября 2007 года № 799-О-О и № 800-О-О, от 17 июня 2008 года № 733-О-П*).

Основываясь на данной критерии, Конституционный Суд проводил сравнение – при рассмотрении соответствующих обращений – уголовно-процессуальных производств, в которых принимали участие судьи. Так, по мнению Конституционного Суда, не препятствует рассмотрению уголовного дела по существу принятие судьей решений, связанных с мерой пресечения (*определения от 24 мая 2005 года № 216-О, от 25 сентября 2014 года № 2167-О, от 17 февраля 2015 года № 295-О, от 23 июня 2016 года № 1350-О,*

от 29 сентября 2016 года № 1760-О и др.), принятие решения о возвращении уголовного дела прокурору (определения от 24 сентября 2013 года № 1266-О, от 23 июня 2015 года № 1291-О, от 19 июля 2016 года № 1666-О), рассмотрение жалоб некоторых участников процесса (подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и других) на решения, действия (бездействие) должностных лиц органов уголовного преследования (постановления от 2 июля 1998 года № 20-П и от 23 марта 1999 года № 5-П, определения от 2 июля 2009 года № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 года № 1636-О-О, от 1 марта 2012 года № 426-О-О, от 19 июля 2016 года № 1602-О и др.) и т.п. В то же время повторное участие одних и тех же судей Верховного Суда Российской Федерации в рассмотрении надзорных жалоб осужденного на другие решения суда надзорной инстанции, вынесенные с участием данных судей, представляется недопустимым (Определение от 1 марта 2012 года № 424-О-О).

13. Существует ли у вас судебная практика, связанная с уважением верховенства права частными лицами, осуществляющими публичные функции?

Принцип верховенства права, являющийся основополагающим принципом российского конституционного строя, распространяется на всех без исключения субъектов правоотношений любого характера, в том числе на частных лиц, которым делегированы публичные функции («агенты государства»). И хотя Конституционный Суд в своей практике непосредственно не затрагивал вопрос об уважении верховенства права указанными лицами, этот принцип имплицитно заложен в основу любого решения, касающегося правового статуса таких субъектов, их прав и обязанностей.

14. Являются ли государственные чиновники ответственными за свои действия как по закону, так и на практике? Существуют ли

проблемы с содержанием иммунитета некоторых государственных чиновников, например, мешающие эффективной борьбе с коррупцией? Имеется ли у вас практика, связанная с ответственностью государственных чиновников за их действия?

Вопросы непосредственного привлечения государственных чиновников к юридической ответственности, в том числе в рамках борьбы с коррупцией, находятся вне рамок компетенции Конституционного Суда Российской Федерации; в то же время необходимо отметить, что к настоящему моменту Конституционный Суд в принятых им решениях в порядке отправления конституционного правосудия не выявил проблем конституционного уровня, которые могли бы являться правовыми барьерами, препятствиями или помехами в процедуре привлечения государственных чиновников к различным видам юридической ответственности.

IV. Право и индивид

15. Существует ли доступ индивидов к вашему суду (прямой или непрямой) по оспариванию общих актов (индивидуальных актов). Пожалуйста, кратко охарактеризуйте модальности, процедуры.

Индивидуальная жалоба гражданина на нарушение его основных прав и законных интересов была изначально допустима в Конституционном Суде Российской Федерации сразу с момента его создания. Данный институт был предусмотрен еще Законом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 6 мая 1991 года «О Конституционном Суде РСФСР». В соответствии с Конституцией 1993 года и новым Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд, в частности, стал по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверять конституционность закона, примененного в конкретном деле. В этом законе есть отдельная глава XII, именуемая «Рассмотрение дел о

конституционности законов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан».

Из буквального смысла данного закона следовало, что в Конституционный Суд с жалобами на нарушения их конституционных прав и свобод вправе обращаться как граждане России, так и иностранные граждане, а также лица без гражданства. Но Конституционный Суд рядом своих решений расширил этот перечень, в результате чего с конституционными жалобами теперь вправе обращаться и объединения граждан, в том числе религиозные, акционерные общества, товарищества и общества с ограниченной ответственностью, государственные предприятия, муниципальные образования, национально-культурные автономии и их структуры, действующие на федеральном и региональном уровнях, и др.

В настоящее время из примерно 19 тысяч жалоб и иных обращений, поступающих ежегодно в Конституционный Суд, доля конституционных жалоб граждан составляет существенно более 90 процентов.

16. Развивал ли ваш суд практику относительно доступа к обычным судам (нижестоящим судам) (например, условия доступа, включающие пошлины, представительство юристом, сроки)?

Опираясь на принцип верховенства права, Конституционный Суд развивал возможности доступа к правосудию в тех случаях, когда такой доступ не был возможен (как правило, в силу отсутствия законодательного регулирования, которое в судебной практике толковалось как исключающее такое судебное обжалование). Так, опираясь на статью 46 Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что конституционное право на судебную защиту, предоставляя конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством справедливого правосудия, предполагает, что в рамках осуществления судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия) любых государственных органов, включая

судебные органы. В ряде случаев Конституционный Суд признавал, что само отсутствие судебного контроля может привести к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей.

Следуя данным правовым позициям, Конституционный Суд принял ряд решений, которые создавали гражданам правовую возможность оспаривания в суд ряда решений, которые по тем или иным причинам не могли быть обжалованы (проверены) в суде. Так, *Постановлением от 14 июля 2011 года № 16-П* Конституционный Суд признал противоречащими Конституции Российской Федерации положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые закрепляли такое основание прекращения уголовного дела как смерть подозреваемого (обвиняемого) и порядок прекращения уголовного дела по данному основанию, поскольку они позволяли прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. Отныне для прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию необходимо согласие его близких родственников. Если такое согласие не получено, то уголовное дело передается в суд для рассмотрения в общем порядке с целью установления действительной причастности лица к инкриминированному ему преступлению.

Постановлением от 19 ноября 2013 года № 24-П была предусмотрена возможность оспаривания в судебном порядке постановления следователя, руководителя следственного органа, прокурора о прекращении уголовного дела в связи с декриминализацией. В данном решении Конституционный Суд прямо указал, что отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве механизма, позволяющего лицу, уголовное преследование которого прекращено, в судебном порядке обжаловать законность и обоснованность вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования актов органов предварительного расследования, нарушает выраженные в Конституции Российской Федерации принципы верховенства права, законности, справедливости, гуманизма, равенства всех перед законом

и судом лишает граждан эффективной судебной защиты, а также недопустимо ограничивает их право на защиту чести, достоинства и доброго имени.

17. Развивал ли ваш суд иную прецедентную практику относительно иных индивидуальных прав, связанных с верховенством права?

Принцип верховенства права в европейской его трактовке подразумевает и равенство всех перед законом и судом, и вытекающий из него запрет дискриминации.

Постановлением от 25 февраля 2016 года № 6-П Конституционный Суд признал противоречащими Конституции нормы Уголовно-процессуального кодекса, согласно которым женщины оказались фактически лишены права на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. В этом решении отмечалось, что в российской системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования имеет место дифференциация подсудности уголовных дел определенной категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида наказания (каковым в рамках действующего в России конституционно-правового режима неприменения смертной казни является пожизненное лишение свободы). Сама по себе такая дифференциация допустима, поскольку используется федеральным законодателем с целью реализации принципов гуманизма и справедливости в сфере соответствующих правоотношений. Однако чтобы достичь этой цели, федеральный законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства, закрепленный в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту и, следовательно, права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Иное, а именно – решение вопроса о предоставлении обвиняемым

возможности рассмотрения их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в зависимости от гендерного фактора (только женщинам или только мужчинам) приводило бы к нарушению конституционных гарантий права на судебную защиту.

18. *Используется ли верховенство права в качестве общей концепции в отсутствие специальных гарантий основных прав в тексте конституции вашей страны?*

Идея верховенства права (в отсутствие текстуального эксплицитного выражения) фактически применялась Конституционным Судом при обосновании недопустимости абсолютных (во времени и по содержанию) запретов в целом ряде решений.

Так, например, в *Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года № 20-П* оспариваемые законоположения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими было установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений.

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно выражал правовые позиции, связанные с защитой личных прав человека и гражданина, конкретизировал и разъяснял содержание личных прав и свобод, установленных Конституцией Российской Федерации.

Разъясняя *Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П*, Конституционный Суд Российской Федерации в *Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р* пришел к выводу, что в Российской Федерации в настоящее время действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный

конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно формулировал правовые позиции по вопросам защиты конституционного права на сохранение человеческого достоинства. Охраняя достоинство личности, государство обязано не только воздерживаться от контроля личной жизни человека и от вмешательства в нее, но и создавать в рамках установленного правопорядка такой режим, который позволил бы каждому следовать принятым традициям и обычаям – национальным и религиозным. В частности, оно должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, т.е. обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после смерти его личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них (*Постановление от 28 июля 2007 года № 8-П*).

В ряде случаев Конституционным Судом Российской Федерации был установлен конституционно-правовой смысл ключевых понятий, во многом определяющих действие конституционных прав и свобод.

Так, в частности, Суд установил, что понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство

по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы. Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы (*Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П*).